

УДК 1(091):2+28

НЕИСЛАМСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР-МУСУЛЬМАН

Я. А. КОРШУНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются неисламские элементы в системе религиозных представлений белорусских татар-мусульман. Показаны особенности возникновения и становления данной этнокультурной группы на белорусских территориях и охарактеризованы ее конститутивные признаки. Выявляются факторы, повлиявшие на формирование системы религиозных взглядов белорусских татар-мусульман, раскрываются ее основные составляющие, которые представлены разными конкретно-историческими традициями как монотеистического, так и немонотеистического типов. Анализируется смысловое содержание и причины устойчивости неисламских элементов в религиозных представлениях белорусских татар-мусульман. На примере некоторых фрагментов текстов знахарского характера, которые обнаруживаются в корпусе славяноязычных арабографических рукописей, показаны значение и особенности функционирования до- и неисламских элементов.

Ключевые слова: ислам; неисламские представления; белорусские татары; религиозные представления; арабографические рукописи.

Образец цитирования:

Коршунова ЯА. Неисламские элементы в системе религиозных представлений белорусских татар-мусульман. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2020;3:47–52.

For citation:

Korshunova YA. Non-Islamic elements in the system of religious beliefs of the Belarusian tatar-muslim. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2020;3:47–52. Russian.

Автор:

Янина Александровна Коршунова – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент С. Г. Карасева.

Author:

Yanina A. Korshunova, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
janina-korschunova@yandex.by

NON-ISLAMIC ELEMENTS IN THE SYSTEM OF RELIGIOUS BELIEFS OF THE BELARUSIAN TATAR-MUSLIM

Y. A. KORSHUNOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses non-Islamic elements in the system of religious beliefs of the ethnocultural group of Belarusian muslim tatars. The features of the emergence and formation of this ethnocultural community in the Belarusian territories are shown, its constitutive features are characterized. The factors that influence the formation of the system of religious beliefs of Belarusian muslim tatars are revealed, its main components are revealed, which are represented by different concrete historical traditions of both monotheistic and non-monotheistic types. The semantic content and reasons for the stability of non-Islamic elements in the religious beliefs of Belarusian muslim tatars are analysed. The meaning and features of the functioning of pre- and non-Islamic elements are shown on the example of some fragments of texts of a healer character, which are found in the corpus of slavic arabic manuscripts.

Keywords: Islam; non-Islamic beliefs; Belarusian tatars; religious beliefs; religious worldview; arabographic manuscripts.

Введение

Более шести веков назад на территорию ВКЛ пришли представители разных тюркских племен, которые в процессе адаптации к новым условиям проживания прошли через определенные преобразования: утратили родные языки, изменили исконный уклад жизни и культурные обычаи, при этом сохранили этническое происхождение и религию. Таким образом, примерно в XV–XVI вв. возникла этнокультурная общность белорусских татар-мусульман. Их религиозные представления формировались в ситуации сосуществования как ислама, так и до- и неисламских, а также профанных (в значительной степени нерелигиозных) верований и, как наиболее значимые смыслы их жизни, фиксировались в рукописном наследии.

В условиях мировоззренчески открытого и поликонфессионального общества актуальным является исследование взаимодействия ислама и элементов неисламского происхождения. В настоящее время в процессе изучения опыта белорусских татар можно выявить новые идейные линии диалога культур и религий, поскольку, несмотря на многовековую лояльную и мирную историю интеграции татар-мусульман в славянско-христианскую среду, отношение современных белорусов к исламу остается настороженным из-за его неоднозначного мирового имиджа.

Неисламские включения в религиозные представления белорусских татар анализируются на основе исследований группы рукописей со знахарскими текстами, так как они наиболее рельефно демонстрируют особенности функционирования неисламских элементов в религиозных представлениях белорусских татар. Тема знахарства в рукописном наследии татар ВКЛ привлекла внимание ученых (преимущественно этнографов) еще в первой половине XX в. Ее разрабатывали Дж. Александрович (Насыфи), М. Александрович, Я. Шинкевич,

С. Кричинский [1, с. 275], позже – И. Радишевская и И. Сынькова и др. [1–4]. Также в настоящей статье использованы данные и результаты предшествующих исследований по истории и культуре белорусских татар. Их изучением занимались представители различных социогуманитарных дисциплин (истории, филологии, культурологии, социологии): А. Дрозд, И. Канапацкий, М. Ленсу, М. Мамаразаков, Я. Станкевич, П. Сутер, И. Сынькова, Я. Тышкевич [1; 3–10]. Вместе с тем до настоящего времени неисламские элементы в религиозных представлениях белорусских татар не были изучены целостно с позиции философии.

Объектом исследования в данной статье выступают религиозные представления белорусских татар. Предметом – неисламские элементы в данных представлениях. Цель статьи – определить причины сохранения неисламских элементов в религиозных представлениях белорусских татар и выявить их смыслы на основе арабографических рукописей с фрагментами знахарского содержания. Для реализации этой цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) охарактеризовать систему религиозных представлений белорусских татар;
- 2) определить историко-культурные условия появления и сохранения неисламских представлений в их рукописных текстах;
- 3) описать особенности и содержание текстов знахарского характера в корпусе арабографических рукописей белорусских татар.

Белорусские татары-мусульмане – этнокультурная группа, которая сформировалась из разных представителей тюркских племен, постепенно оседавших на территории Беларуси. Впервые о появлении татар на территории ВКЛ упоминается в 1397 г., когда князь Витовт привел их с собой в качестве союзников из похода на Крым [10, с. 13]. Однако и до и по-

сле этого на территории ВКЛ оказывались тюрки из Поволжья, Крыма, Ногайской и Кипчакской степей и др. Находясь на чужой территории и окунувшись в иную этнокультурную среду, татары группировались прежде всего по признакам этнического происхождения и религиозной принадлежности. В связи с этим их общность тяготела к более или менее компактной локализации в среде славянского населения. Оседавшие в ВКЛ татары говорили на разных тюркских языках и диалектах, что затрудняло коммуникацию не только с местным населением, но и между собой. По этой причине они практически сразу приняли язык местного населения – в основном белорусский (в некоторые периоды – польский и русский). Переход на язык местного населения, наряду с толерантной внутренней политикой ВКЛ и комфортными условиями проживания, способствовал адаптации татар [11, с. 93–94]. Со временем их уклад жизни и культурные обычаи изменялись, однако этническое происхождение и религия (ислам) оставались прежними. В результате сформировалась этнокультурная (собственно, этнорелигиозная) общность, характеристики которой позволяют определить ее как самобытную группу белорусских татар-мусульман. Трансформацию этноса белорус-

ских татар можно проследить по комплексу конститутивных признаков: территория, происхождение, язык, уклад жизни, самобытная культура (см. таблицу).

Под давлением процесса интеграции в принимающую культуру татары переняли обычаи населения ВКЛ, однако это усвоение произошло преимущественно на бытовом уровне – смыслозадающей основой их жизни остался ислам. Этот синтез возможен в силу однотипности религиозных систем, формирующих культуры. Для татар и балтославян такими системами были монотеистические, трансцендентно ориентированные ислам и христианство (мировоззренческие доминанты) и отчасти иудаизм, а также остаточные элементы архаичных поли- и нетеистических, обобщенно называемых языческими, имманентно ориентированных представлений тюркских и балтославянских народов. На основании факторов, определяющих социально-культурную и историческую локализацию общности белорусских татар-мусульман, а также структуру их религиозных представлений, можно предположить, что предмет данной статьи размещается на пересечении типов религиозных мировоззрений (см. таблицу).

Трансформация конститутивных признаков этнокультурной группы белорусских татар

Transformation of constitutive features of the ethnocultural group of Belarusian tatars

Признаки этноса				Изменения признаков	
				Исходное состояние	В результате адаптации
Территория				Поволжье, Крым, Ногайская степь, Кипчакская степь и др.	Территория ВКЛ
Происхождение				Тюркское	Тюркское
Язык				Тюркские диалекты	Белорусский
Самобытная культура	Уклад жизни: • экономика; • социально-политическая культура; • повседневные практики			Военное дело, кочевое животноводство; тюркские обычаи	Военное дело, земледелие, кожевничество; славяно-балтские обычаи
	Мировоззрение	Религиозное	домонотеистического типа локального происхождения	Тюркские доисламские верования	Балтославянские дохристианские верования
			монотеистического типа универсального распространения	Ислам	Ислам. Факторы местного влияния: • христианство (католицизм, православие, протестантизм); • иудаизм
		Нерелигиозное		Моральные нормы Аксиомы жизненного опыта Бытовые представления	

Учение ислама зафиксировано в священном тексте – Коране. Им же закреплена совокупность религиозных и нравственных норм, предписаний и заповестей – шариат, направленный на регулирование различных жизненных ситуаций и поступков людей с точки зрения религии. Изначально сохранение традиции ислама белорусскими татарами происходило через устную передачу предписаний Корана, проповеди и соблюдение норм шариата. Передача предписаний Корана в письменной форме была затруднена, поскольку в процессе адаптации к новым условиям жизни знатоки текста утрачивали знание арабского языка (священный язык ислама). Религиозные специалисты еще помнили арабский алфавит и уже знали белорусский язык, поэтому для перевода Корана был создан вариант белорусско-арабского алфавита [8, с. 51]. Также началось формирование обширного корпуса арабографических славяноязычных рукописей (текстов), дополняющих Коран, что связано со следующим обстоятельством. Первичный текст, в котором фиксируется религиозная традиция, является священным для последователей и с момента канонизации должен храниться без искажений. Однако традиция (как любое временное явление) претерпевает изменения, вместе с этим устаревают понимание и применение текста [12]. Для того чтобы текст мог быть актуальным, его необходимо переосмыслить и переформировать толкования и комментарии. В этой традиции можно выделить по крайней мере два уровня: специальный (сакральный) и повседневный (профанный/обыденный). Первый создается религиозными специалистами, второй – мирянами. Специалисты занимаются толкованием и комментированием принципиальных положений, тогда как миряне применяют канонические предписания священных текстов, толкований, комментариев для решения повседневных проблем.

Арабографические рукописи белорусских татар условно можно разделить на три группы:

- канонические рукописи, чистота которых тщательно сохраняется, – Коран и Сунна;
- толкования и комментарии, подготовленные специалистами, называются тефсирами и таджвидами. Тефсиры – рукописи, включающие текст Корана на арабском языке с подстрочным польско-белорусским переводом и комментариями, не имеющими непосредственного отношения к тексту Корана [9, с. 145]. Таджвиды – тексты, содержащие правила чтения Корана и произношения арабских звуков;
- тексты для практического применения – китабы, полукитабы и хамаилы. Китабы – это религиозные книги, в которых есть описания обрядов и ритуалов, рассказы о деяниях пророка Мухаммеда, назидательные поучения, восточные сказки, исторические предания, повести и легенды [6, с. 12]. Полукитабы имеют практически то же содержание, но отличаются гораздо меньшим объемом. Хамаи-

лы – это небольшие книги, своего рода справочники, вмещающие информацию по широкому кругу вопросов [13, с. 152]. В некоторых из них находят знахарские тексты, где говорится о попытке соединения положений ислама и элементов неистамских верований.

Ислам представляет собой строгий монотеизм, из-за чего его сосуществование с доисламскими политеистическими представлениями парадоксально. Однако данная ситуация естественна для продолжателей религий такого типа. В монотеистических религиях верующий вверяет Богу свою судьбу, ориентируется на вечность, следуя Творцу, и находит в этом блаженство. Однако культурная инерция, наряду с повседневными нуждами человека как существа, принадлежащего наличному миру, становятся причиной обращения к практикам немонотеистического, магического характера. Это в целом является причиной дуализма в представлениях последователей монотеизма, в частности соединения ислама и доисламских верований в религиозных представлениях белорусских татар. Некоторые исследователи указывают, что для татар ВКЛ мир виделся пространством, населенным множеством злых и добрых духов, контакт с которыми можно устанавливать и поддерживать посредством магических практик. Такие верования иногда считают пережитками шаманизма, и упоминания реликтовых шаманских представлений татар ВКЛ в литературе достаточно часты, однако не обоснованы фундаментальными исследованиями [3, с. 186]. Также сохранение и функционирование доисламских верований в религиозных представлениях татар были возможны потому, что этнические и государственные образования, из которых вышли турки, официально приняли ислам только к середине или даже к концу XIV в.

Наиболее ярко сочетание ислама и неистамских элементов выражено в хамаилах белорусских татар. Выделяют три группы хамаилов:

- моллинские, предназначенные для мулл и содержащие молитвы и описания обрядов;
- фалдейские, предназначенные для знахарей и гадателей;
- универсальные [5, с. 13–14].

В последних размещаются молитвы, знахарские рецепты и заговоры, астрологические календари и гороскопы, лечебные тексты – то, что необходимо для повседневного использования. Такие сборники хранились и велись в каждой семье, белорусские татары вносили в них необходимую в самых разных ситуациях информацию: повседневные молитвы, лечение болезней, толкование снов и т. д. Сведения, которые записывались в хамаилы, татары получали из разных источников: от родственников, соседей, из собственного опыта. По этой причине хамаилы содержат разноплановые записи, которые не всегда связаны между собой. Общим для них является

наличие стихов (аятов) из Корана и молитв (дуа) на арабском или тюркском языках, поскольку главным вспомогательным средством в решении проблем для мусульманина является Коран, слова которого обладают святостью [3, с. 183]. В силу встроенности белорусских татар в среду славянско-христианского населения в хамаилы попадали лечебные тексты-заговоры, включающие фрагменты балтославянских дохристианских представлений.

В рукописях татар тексты лечебной направленности почти всегда расположены рядом с другими магическими текстами общего назначения. Это связано с тем, что в сознании белорусских татар болезни и другие неблагоприятные ситуации имеют одну причину – воздействие злых сил [3, с. 186]. Большинство знахарских и лечебных текстов направлено против источника человеческих бед – шайтана (дьявола в мусульманской мифологии) [3, с. 184]. Другая темная сила – фереи – злой дух, который вредит человеку. Данный персонаж встречается в иранской и тюркской мифологии, у него есть аналоги в польском, белорусском и литовском фольклоре. В таком же ключе в текстах упоминается мара – мифический персонаж из старославянской мифологии, связанный со смертью [3, с. 185]. Упоминание в текстах татар мары, наряду с шайтаном и фереями, свидетельствует не только о влиянии славянского окружения на формирование их картины мира, но и указывает на сохранение дохристианских представлений в этом окружении.

Белорусские татары интерпретировали образ ферея в контексте ислама и представляли его в своих текстах как отрицательную силу, противодействовать которой можно посредством молитвы. В одном из знахарских текстов (в так называемом фале Сулеймана (белорусские татары фалами называли гадательные тексты)) рассказано о 12 планетах, каждая из которых покровительствует конкретному человеку и ферею, который может нанести вред только тому, кому покровительствует та же планета

та [2, с. 240]. В начале текста описывается процесс создания первых людей, говорится о том, что судьба всей человеческой расы записана на планетах и звездах, причем планеты называются знаками зодиака. В 12 ключевых пунктах фала представлены названия планет и звезд, характеристика каждого ферея, указаны болезни, вызванные по его вине, и описаны действия, ведущие к исцелению [2, с. 250]. Текст предоставляет важную информацию, которая может помочь излечить больного и защитить здорового человека от злых духов и напастей. В фале даются соответствующие молитвенные формулы, которые после произнесения нужно сжечь, погрузить в воду, закопать и т. д. Подобные лечебные процедуры были известны также и в славянском мире [2, с. 244]. В них сочетаются обращение к Богу через молитву и нехарактерные для ислама или христианства сопутствующие практики, направленные на ускорение результата этого послания.

По мере интеграции в славяно-христианскую среду татарами-мусульманами были восприняты не только некоторые местные, балтославянские, дохристианские верования, но и единичные периферийные элементы двух других связанных с исламом монотеистических религий – христианства и иудаизма. Так, в заговорах на белорусском или польском языках упоминаются Иисус Христос (Иешуа, Иса), Дева Мария, Иоанн Креститель (Новый Завет), а также Давид, Илья-пророк (Старой Завет). Примечательно, что в некоторых текстах Деву Марию называют Святой Марией, Чистой Девой. Кроме того, к ней обращаются, как и к Богу, с просьбой о помиловании, что довольно далеко от канонов ислама [4, с. 252]. Также имеет место заимствование принципиально новых для татар элементов христианских традиций и обрядов, что фиксировалось в письменных источниках. При этом некоторые практики переняты почти полностью, а другие представляют собой соединение христианской традиции с татаро-мусульманской [7, с. 12].

Заключение

Система религиозных представлений белорусских татар-мусульман характеризуется сочетанием ислама с неисламскими элементами, относящимися к разным конкретно-историческим традициям (тюркские доисламские и балтославянские дохристианские верования, христианство, иудаизм). Такое соединение обнаруживается в текстах знахарского

характера, которые содержатся в некоторых арабско-графических рукописях. Восприятие неисламских религиозных представлений от местного населения обусловлено не только общностью территории, языка и бытовых условий, но и тем, что само исламское учение признает значимость других авраамических монотеистических религий – иудаизма и христианства.

Библиографические ссылки

1. Сынькова І. Знахарскія тэксты ў рукапісах татаравуь ВКЛ. W: Łapicz Cz, Kulwicka-Kamińska I, redaktorzy. *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze* = *Татары Великого княжества Литовского в истории, языке и культуре* = *The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in History, Language, and Culture*. Toruń: Toruńskie Towarzystwo Naukowe; 2013. s. 281–299.

2. Radziszewska I. Praktyki magiczne w chamailach Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego (na podstawie tzw. Fału Sulejmana). W: Łapicz Cz, Kulwicka-Kamińska I, redaktorzy. *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze* =

Татары Великого княжества Литовского в истории, языке и культуре = *The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in history, language, and culture*. Toruń: Toruńskie Towarzystwo Naukowe; 2013. s. 235–256.

3. Сынкова І. Знахарскія тэксты ў кантэксце традыцыйнай культуры беларускіх татар. *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*. 2017;24(2):177–193.

4. Сынкова І. Хрысціянскія матывы ў знахарскіх замах беларускіх мусульман. W: Lewickiej M, Łapicza Cz, redaktorzy. *Dialog chrześcijańsko-muzułmański: Klucz do wspólnej przyszłości. Tomek 2*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika; 2012. s. 249–257.

5. Drozd A, Dziekan MM, Majda T. *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. Tomek 3*. Warszawa: Res Publica Multiethnica; 2000. 84 s.

6. Канапацкі ІБ. Татары ў Беларусі. Іх рэлігія. *Беларускі гістарычны часопіс*. 1996;2:8–13.

7. Ленсу МЯ, Мамаразаков МС. Эволюция мусульманского культа у белорусских татар (социологический анализ). У: Александрович І, рэдактар. *Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы. Матэрыялы I Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 26–27 сакавіка 1993 г.*; Мінск, Беларусь. Мінск: БДПУ; 1993. с. 219–226.

8. Станкевіч Я. Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом. Вільня: Друкарня Я. Левіна; 1933. 274 с.

9. Сутер П. Литовско-татарские тefsиры как объект интерференциального исследования. In: Bairašauskaitė T, Kobleckaitė H, redaktorai. *Kipciaku tiurku. Orientas Lietuvoje. Istorija ir tyrinėj perspektyva*. Vilnius: Danielius; 1994. p. 145–152.

10. Tyszkiewicz J. *Z historii Tatarów polskich, 1794–1944*. Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna w Pułtusku; 2002. 219 s.

11. Коршунова ЯА. Культурный контекст и идейные истоки формирования религиозных представлений татар-мусульман Беларуси. *Вестник Брестского университета. Серия 1. Философия. Паліталогія. Сацыялогія*. 2019;2:92–100.

12. Семенов ВС. Проблема трансляции культуры на примере судьбы Бхагавадгиты. В: Брагинский ВИ, Челышев ЕП, редакторы. *Художественные традиции литератур Востока и современность: ранние формы традиционализма*. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»; 1985. с. 38–72.

13. Цітавец АІ. Беларускія кнігазборы татарскіх рукапісных кніг. В: Березкина НЮ, редактор. *Информационное обеспечение науки Беларуси: от рукописей к электронным информационным ресурсам*. Минск: Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси; 2006. с. 147–156.

References

1. Synkova I. [Magical texts in the manuscripts of the Grand Duchy of Lithuania Tatars]. In: Łapicz Cz, Kulwicka-Kamińska I, editors. *The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in history, language, and culture*. Toruń: Toruńskie Towarzystwo Naukowe; 2013. p. 275–289. Belarusian.

2. Radziszewska I. Praktyki magiczne w chamałach Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego (na podstawie tzw. Fału Sulejmana). In: Łapicz Cz, Kulwicka-Kamińska I, editors. *The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in history, language, and culture*. Toruń: Toruńskie Towarzystwo Naukowe; 2013. p. 235–256.

3. Synkova I. [The healing texts in the context of the traditional culture of the belarusian tatars]. *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*. 2017;24(2):177–193. Belarusian.

4. Synkova I. [The Christian motives in the incantations of the belarusian muslims]. W: Lewickiej M, Łapicza Cz, redaktorzy. *Dialog chrześcijańsko-muzułmański: Klucz do wspólnej przyszłości. Tomek 2*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika; 2012. s. 249–257. Belarusian.

5. Drozd A, Dziekan MM, Majda T. *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. Tomek 3*. Warszawa: Res Publica Multiethnica; 2000. 84 s.

6. Konopatsky IB. [Tatars in Belarus. Their religion]. *Belaruski gistorychny chasopis*. 1996;2:8–13. Belarusian.

7. Lensu MYa, Mamarazakov MS. [The evolution of the Muslim cult of the Belarusian Tatars (sociological analysis)]. In: Alexandrovich I, editor. *Tatary-musul'mane na zemljah Belarusi, Litvy i Pol'shchy. Materyjaly I Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 26–27 sakavika 1993 g.; Minsk, Belarus'* [Muslim tatars in Belarus, Lithuania and Poland. Proceedings of the 1st International scientific and practical conference; 1993 March 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University; 1993. p. 219–226. Belarusian.

8. Stankevich Ja. *Belaruskija musul'mane i belaruskaja litaratura arabskim pis'mom* [Belarusian muslims and Belarusian literature in Arabic script]. Vilnius: Drukarnja Ja. Levina; 1933. 274 p. Belarusian.

9. Suter P. [Lithuanian-Tatar tefsirs as an object of interference research]. In: Bairašauskaitė T, Kobleckaitė H, redaktorai. *Kipciaku tiurku. Orientas Lietuvoje. Istorija ir tyrinėj perspektyva*. Vilnius: Danielius; 1994. p. 145–152. Russian.

10. Tyszkiewicz J. *Z historii Tatarów polskich, 1794–1944*. Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna w Pułtusku; 2002. 219 s.

11. Korshunova YA. The cultural context and ideological origins of the formation of religious ideas of the Tatars-muslims of Belarus. *Vesnik of Brest University. Series 1. Philology. Politology. Sociology*. 2019;2:92–100. Russian.

12. Sementsov BC. [The problem of broadcasting culture on the example of the fate of the Bhagavadgita]. In: Braginskii VI, Chelyshev EP, editors. *Khudozhestvennye traditsii literatur Vostoka i sovremennost': rannye formy traditsionalizma* [Artistic traditions of the literatures of the East and modernity: early forms of traditionalism]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva « Nauka »; 1985. p. 38–72. Russian.

13. Tsitavets AI. [Belarusian book collections of tatar manuscript books]. In: Berezkina NYu, editor. *Informatsionnoe obezpechenie nauki Belarusi: ot rukopisei k elektronnyim informatsionnym* [Information support of science in Belarus: from manuscripts to electronic information resources]. Minsk: Yakub Kolas Central Scientific Library of National Academy of Sciences of Belarus; 2006. p. 147–156. Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 04.04.2020.
Received by editorial board 04.04.2020.